

Перед лицом превосходящих сил противника. Тактика генетиков в августе 1948 года

Задание к семинару

Текст 1. Алиханян Сос Исаакович

Составьте подкреплённый примерами из текста ответ на вопросы:

1. Разделяет ли выступающий теоретические взгляды Лысенко?
2. Чего он хочет достичь своим выступлением?
3. В каких случаях он говорит искренне, в каких – неискренне?

Из стенографического отчёта сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.)

<http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt>

* ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ (Дневное заседание 5 августа 1948 г.) *

Академик П. П. Лобанов. Слово предоставляется доценту С. И. Алиханяну.

С. И. Алиханян (кафедра генетики Московского государственного университета). Товарищи, после боевой речи журналиста очень трудно говорить мне, скромному доценту Московского университета, но я постараюсь сказать о том, как я понимаю научные вопросы, над которыми работаю 18 лет.

Т. Д. Лысенко в своем обширном докладе поднял чрезвычайно актуальные и важные вопросы современной биологической науки. Касаться всех этих вопросов в коротком выступлении нет возможности, поэтому я разрешу себе высказать свои личные соображения по вопросам наследственности и изменчивости, изучению которых я посвятил свою жизнь.

Одним из основных тезисов в докладе Трофима Денисовича явилась критика вейсманизма. Начну с этого вопроса.

За последние 50 лет генетика накопила огромный экспериментальный материал. Год назад в университете в своем докладе я так говорил об этом: "Однако это развитие шло не гладко, имели место попытки идеалистов различных мастей дать свое толкование с целью использования данных современной генетики для укрепления своих идеалистических позиций и лженаучных реакционных выводов. Я имею в виду метафизические, идеалистические концепции Иогансена, Вейсмана, Де-Фриза, Бетсона, Лотси и др."

Как явствует из этой выдержки, я никогда не разделял взглядов Вейсмана и того, что называется вейсманизмом.

Весь ход развития нашей науки развеял в прах все идеалистические теории Вейсмана, Иогансена и других.

Я позволю себе напомнить некоторые положения этих ученых. Иогансен писал: "Мы касаемся здесь в высшей степени опасного для спокойного процесса исследований по наследственности представления о гене, как о материальной, морфологически характеризуемой структуре, представления, против которого мы должны здесь предостеречь".

Такой же идеалистической является теория Бетсона, которую так неудачно пытался воскресить у нас А. С. Серебровский. Эту теорию время от времени вытаскивают из архива, характеризуя на этой механистической, по своему существу, концепции данные генетики. Такова же теория Гериберт-Нильсена. Современная экспериментальная картина гена не имеет ничего общего с этими идеалистическими и метафизическими концепциями.

Вместе с тем я должен отметить некоторые ложные положения, ошибочные концепции Серебровского, Филипченко, Кольцова и других. Возьмем положение Серебровского, что ген является основой жизни. Это утверждение он противопоставил механистическому утверждению, что жизнь – это сумма физико-химических элементов. Такие крайние мысли, ничем не доказанные, вызвали справедливую критику. Я считаю такое представление о гене крайним и неверным. С такими и подобными положениями нельзя согласиться, они неверны, ошибочны, методологически неправильны.

Как же методологически можно подойти к проблеме гена с позиций экспериментальной генетики? Ген – объективно существующая материальная частица живой клетки. Поэтому наша задача – правильно определить место и роль гена в жизнедеятельности клетки, правильно материалистически объяснить все добытые наукой факты. Нельзя, исходя из реакционных высказываний отдельных ученых, отвергать здоровое, полезное ядро генетики, выбросить все факты, добытые наукой.

Можно ли считать идеалистической концепцию признания материальных основ наследственности, т. е. генов? Утверждение о существовании гена не следует понимать в том смысле, что материальные частицы, присутствующие в хромосомах, т. е. гены, есть вещество, из которого построены отдельные признаки. Ген не зародыш признака и не единственно ответственная материальная частица клетки, определяющая образование признака или развертывающаяся в признак. Признак – это результат деятельности клетки, взаимодействия клеток и решающего влияния окружающей среды. Ген лишь определяет направление, в котором должен развиваться признак, в определенных условиях среды.

Таким образом, определяя направление, характер развития и особенности признаков, ген действует не изолированно, а во взаимодействии со всей окружающей его средой. Уточню свою формулировку: при передаче признака по наследству решающую роль играет среда, и в этой сложной системе трудно сказать, что является решающим. Когда человек управляет развитием организмов, решающим является внешняя среда. Эта внешняя среда помогает человеку переделывать, изменять наследственную основу организма.

Таким образом, среда влияет на ген и изменяет его, что показано сотнями и тысячами экспериментов, и изменившийся признак, в результате изменения гена – под влиянием внешней среды, передается по наследству.

Совершенно неверно, будто генетика связывает наследственность исключительно с хромосомным аппаратом клетки и только с мельчайшими материальными частицами – генами. Генетике приписывают положение, что только изменение гена может обеспечить наследственное изменение того или иного признака организма. Такое грубое, механистическое и метафизическое изложение концепции гена развивалось, совершенно верно, очень многими генетиками на ранней стадии менделизма и преодолено в ходе развития самой генетики. Современная генетика стоит на прямо противоположной позиции, вытекающей из огромного экспериментального материала. Не в порядке раболепия, конечно, но я позволю себе сослаться на американского генетика Меллера – ибо то, что он типичный генетик, т. е. "формальный генетик", как говорят наши противники, никто не будет оспаривать. Вот что он писал в статье, опубликованной в 1947 г.

"Наследственный материал потенциально корпускулярен, и каждая отделяемая частица, определяющая воспроизведение в точности своего собственного материала, может быть названа геном.

Прежде чем рассматривать другие свойства отдельных генов, выявляемые на основании результатов их передачи из поколения в поколение, необходимо подчеркнуть, что хотя они и корпускулярны в процессе своего самовоспроизведения, их продукты взаимодействуют в клетке сложнейшим образом как друг с другом, так и с продуктами окружающей среды при определении признаков организма, в противоположность тому, что предполагали ранние менделисты".

Таким образом, нет того положения, что один только ген определяет признак. Это элементарно и неправильно. Признак как законченное образование – результат развития всей клетки, развития организма и очень большого влияния внешней среды. Мною было показано (я недавно опубликовал эту работу в Докладах Академии наук СССР LVIII, No7 и XX, No4), как наследственный признак под влиянием условий развития менял свое проявление и что этим изменением можно управлять. Достаточно было вернуть генотип в прежние условия, как признак вновь проявлялся.

Когда говорят, что генетики против наследования приобретенных признаков, то это надо понимать как совершенно правильную реакцию против примитивных экспериментов Агнессы Блюм, Броун-Секара, Кржиженецкого и многих других экспериментов, а не в том смысле, что хромосомная теория наследственности вовсе отрицает возможность изменений под влиянием внешней среды. Мы работаем над этим, пытаюсь вскрыть механизм возникновения наследственной изменчивости. Вот работа тов. Рапопорта (чрезвычайно нервного человека, не умеющего себя вести в научной дискуссии); он провел чрезвычайно интересные исследования по влиянию химических агентов на наследственные изменения. Тов. Рапопорт добился того, что получает почти стопроцентную мутационную изменчивость в результате влияния различных химикалиев. Если у меня была бы возможность, я изложил бы многочисленные эксперименты в пользу существования гена и его изменчивости.

Выступления против реального существования гена напоминают мне ранние выступления об атоме. Несмотря на то, что никто не видел реального атома, теперь уже в его существовании никто не сомневается. Так было и с хромосомой. Были ученые, которые восставали против реальности

существования хромосом. Мы говорим, что растения и животные имеют свое определенное число хромосом, колеблющееся от нескольких единиц до нескольких сотен.

Вот здесь выступил академик Митин и так обрушился на хромосомы и гены, как будто "сильнее хромосомы зверя нет". А ведь академик Лысенко, наиболее резкий противник этой теории, в 1947 г. писал следующее:

"Верно, что хромосомы существуют. В половых клетках число их в два раза меньше, чем в обычных. При наличии половых клеток с теми или иными хромосомными изменениями из этих клеток получают измененные организмы. Правильно, что те или иные видимые, морфологические изменения данной изученной хромосомы клетки часто, и даже всегда, влекут за собой изменения тех или иных признаков в организме. Доказано что наличие двух X-хромосом в оплодотворенном яйце дрозофилы обычно решает вопрос выхода из этого яйца самки, а не самца.

Все эти факты, как и другие фактические данные, верны. Бесспорно, что измененное яйцо или его хромосомы дают измененное развитие всего или отдельных участков тела организма, но *также должно быть бесспорным и то, что измененные условия внешней среды могут изменять процесс построения тела, в том числе и построения хромосом и вообще зачатковых клеток для будущего поколения.* В первом случае зачатки (яйцо), измененные условиями внешней среды, дают измененные организмы, во втором – организм, измененный условиями внешней среды, может давать измененные зачатки" (Т. Д. Лысенко. Агробиология, 1948 г., стр. 427)

Я целиком и полностью разделяю это положение Трофима Денисовича, оно абсолютно верно, без каких-либо оговорок. Но разрешите спросить (я это делаю не для того, чтобы взять пальму первенства) – кто установил эти закономерности? Конечно, не Вейсман и не Бетсон. Эти положения развили и обосновали генетики.

Почему же, Трофим Денисович (мне было бы интересно услышать ваш прямой ответ), если измененная хромосома вызывает изменение признака, как вполне правильно вы говорите, то почему нельзя выяснить механизм этого изменения хромосомы, природу этого изменения с тем, чтобы управлять этой изменчивостью? Почему же утверждение Трофима Денисовича о том, что "те или иные морфологические изменения хромосом часто и даже всегда влекут за собой изменения признаков", правомочно, а утверждения о неоднородности хромосомы, ее различной качественности по всей длине, об изменении числа хромосом, вызывающем изменение признаков (полиплоидия) по академику Митину является недопустимым идеализмом? Мало того, целым рядом тончайших экспериментов показано, что гены очень точно локализованы и мы безошибочно можем изменить признак, изменяя определенный локус хромосомы, заранее нам известный. Нами наблюдаемые изменения этого локуса связаны каждый раз обязательно с изменениями данного признака. Это не спекуляция, а реальные картины, которые можно увидеть в микроскоп.

Поэтому я еще раз спрашиваю Трофима Денисовича, – что здесь идеалистического? Если вы считаете реальным существование хромосом, их связь с признаками, то почему же не пойти дальше и не изучать структуру этой хромосомы? А изучая эту структуру (ведь у вас в Институте генетики изучается структура хромосом), мы видим, что хромосома неоднородна и специфична по всей своей длине. Это совершенно четко показано экспериментами. Это удалось мне самому экспериментально подтвердить и увидеть цитологически чрезвычайно наглядно.

И вот почему, исходя из этих фактов, я не могу согласиться с концепциями Кольцова о неизменности гена, которую вполне справедливо критиковал Трофим Денисович.

Я спрашиваю, прав ли Кольцов? Нет, не прав! Генетики, которые доказали картину химического построения ядерного материала, его хромосомы, стоят ли на позициях Кольцова? Нет, не стоят и не разделяют его взглядов.

Исходя из этого, мне совершенно непонятно, почему массовое использование колхицина и других средств, вызывающих полиплоидию, т. е. увеличение числа хромосом в клетке, в свою очередь вызывающее изменение целого ряда признаков в результате изменения всего генома, не надо использовать для создания новых сортов, для поднятия продуктивности сельского хозяйства.

Или почему нельзя использовать наследственные изменения живых тел под воздействием х-лучей или химикалиев, когда известно, что они вызывают те самые морфологические изменения, которые признает Трофим Денисович, и что, к примеру, таким образом в сотни раз повышена активность пенициллина. Обязательно нужно! А если нужно, то как же дальше не изучать эти закономерности и не развивать их?

Я взял один вопрос, только вопрос о гене.

Важно было бы остановиться на целом ряде других примеров, но за неимением времени я этого не делаю.

Ясно только одно. Нельзя проходить мимо фактов. Нельзя игнорировать вороха экспериментального материала, накопленного генетикой за 50 лет своего существования. Нужно только правильно, с позиций диалектического материализма осмыслить эти факты, правильно их использовать с тем, чтобы создать стройную теоретическую концепцию явлений наследственности.

Я уже говорил, что нашим генетикам, разделяющим основные положения теории гена, пора понять всю важность четких и правильных теоретических и философских концепций в разработке проблем современной генетики. Советским генетикам необходимо вскрыть и понять, что метафизические концепции о неизменности гена и генотипа, о непосредственной связи гена с признаками приводят к реакционным концепциям в общепроизводственных теоретических положениях, к тем ошибкам, к которым скатились Серебровский, Филипченко, Кольцов и многие другие генетики.

Совершенно справедливо признание, что мы мало себя критиковали, не хотели выносить сор из избы. Это привело к тому, что ошибки накапливались и давали такие сюрпризы, как реакционное учение Серебровского о генофонде или автогенетические концепции Филипченко.

Несколько слов о менделизме. Как известно, закономерности расщепления были открыты Менделем еще в прошлом столетии и были вновь открыты в начале нашего века. Основной смысл этого закона сводился к тому, что наследственные задатки родителей при слиянии двух клеток не сливаются. В дальнейших поколениях они расщепляются и действуют самостоятельно.

Первую ссылку на менделизм в России мы находим у академика Пашкевича. Несмотря на то что он для своего времени был крупным научным авторитетом, его изложение менделизма настолько извращает менделизм, что создается совершенно неверное представление.

Мичурин принял менделизм в его ранней стадии проникновения в Россию с недоверием. Дело в том, что в те давние времена, в 1911 г., академик Пашкевич писал, что если скрестить морозостойких сорт яблок, имеющий мелкие плоды, с южным сортом, имеющим плоды среднего размера, то вы получите морозостойкое растение с мелкими плодами в первом поколении, а во втором поколении происходит расщепление, и сорт готов. Вы получаете сочетание признаков южного сорта с признаками зимостойкого сорта, и таким образом оригинатор легко выполняет поставленную перед собой задачу.

Совершенно несомненно пропагандировались фантастические представления в этой области. А так как Мичурин уже тогда прекрасно знал природу плодовых растений, знал, как сложно наследуются эти признаки у плодовых, какие сложные процессы переживает растение в течение своего индивидуального развития, то он понимал, что упрощенная схема исследования, занесенная ранним менделизмом в Россию, насквозь метафизична и ни на чем не основана.

Необходимо учесть также и своеобразный путь развития Мичурина как ученого. Всем хорошо известно, что Мичурин находился в плену у греллевских концепций, затем он понял их ошибочность, антинаучность. Все это не могло не наложить на Ивана Владимировича отпечатка недоверия ко всякого рода "модным" учениям. Он воспринимал только то, что сам проверил.

Поэтому я считаю, что нельзя огульно сбрасывать со счетов высказывания Мичурина о менделизме и делать вывод о полном непризнании Мичуриным законов Менделя. Не буду занимать времени чтением отдельных выдержек из работ Мичурина, где он говорит о том, где можно применять законы Менделя и где нельзя их применять. Они всем известны. Мне хотелось бы подчеркнуть то, что отличало взгляды Мичурина на менделизм от взглядов неверных и ошибочных. Я имею в виду взгляды менделистов раннего периода.

Мичурин утверждал, что основным недостатком менделизма является нежелание учитывать роль внешней среды в развитии организма, в особенности у многолетних растений. Он говорит: "Все наши менделисты, как кажется, не желают принимать в расчет громадную силу влияния таких факторов (факторы внешней среды. – С. А.) на сложение формы построения организма растения гибрида, начиная с момента образования семени от скрещивания двух особей до истечения нескольких лет роста сеянца гибрида, т. е. до его полной возмужалости" (Собр. соч., т. I, стр. 240).

Мичурин, изменяя условия развития растений, добивался поразительных результатов. Ему удавалось проявить признаки родителей, в которых он был заинтересован. Тут среда не может быть оторвана от внутренних факторов и правильный подбор пары производителей обеспечивает успех влияния внешних факторов.

В понятие воспитания Мичурин не вкладывал никакого таинственного смысла.

Он писал: "В особенности, такое влияние резко отражается на состоянии материнского растения при закладке у него в строении семени зачатков будущего организма гибрида и на полученном гибриде в самой ранней стадии его развития..."

Я обращаю внимание на следующую фразу: "...благоприятствуя одним и являясь непреодолимым препятствием для проявления других наследственных признаков. И почти всегда от такого лишь влияния зависит та или другая степень успеха в скрещивании растений" (Собр. соч., т I, стр. 338).

Это положение составляет основное содержание мичуринского понимания роли внешней среды. Этого не понимали менделисты того периода. Это слабое место в вульгарном менделизме. Я имею в виду недооценку решающей роли внешней среды в развитии генотипа.

Вот почему нельзя говорить, был ли Мичурин против менделизма, или нет.

Я позволю себе признать вполне справедливый упрек, что мы недостаточно изучаем Мичурина, мичуринское наследство, что мы мало уделяем внимания мичуринским методам. У нас больше полемизируют на тему о том, кто мичуринец и кто не мичуринец, а до сих пор ни одной монографии о Мичурине нет. Почему не уделялось до сих пор внимания этому наследию Мичурина, почему его труды не рекламировались. Этого не делали ни Академия сельскохозяйственных наук, ни другие учреждения.

Я признаю, что в этом вина не только моих оппонентов, но и моя. Большая заслуга Лысенко состоит в том, что он привлек внимание генетиков к Мичурину. Я не буду говорить о том, что дал Мичурин биологии, я это сделал в одной из своих работ. Я хочу только подчеркнуть, что ясное изложение учения Мичурина является залогом эффективного использования его идей в нашем сельском хозяйстве. Я не могу согласиться с Лысенко, который представляет дело так, что основное у Мичурина вегетативная гибридизация...

Т. Д. Лысенко. Кто и где это говорил, где я это писал?

Голос с места. Вчера как раз обвиняли в обратном!

С. И. Алиханян. Вы все время говорите, что учение о вегетативной гибридизации составляет основное ядро сочинений Мичурина.

Т. Д. Лысенко. Вы или умышленно, или несознательно утверждаете неправду!

С. И. Алиханян. Я никогда ничего плохого не делаю умышленно, я все всегда делаю искренне.

Т. Д. Лысенко. Вы или умышленно, или несознательно все время ставите так вопрос, что Лысенко взял у Мичурина только вегетативную гибридизацию. Вы можете где угодно встретить, что основное в учении Мичурина (и это должен, наконец, понять каждый менделист) – это роль внешней среды. Вот о чем идет речь.

Голос с места. Поняли? (В зале движение.)

С. И. Алиханян. Вы меня прервали там, где я как раз это собирался сделать. Я постараюсь, насколько позволяют мне мои знания, ответить на этот вопрос.

Я привык, как преподаватель университета, ответы оценивать отметкой. Я уверен, что тов. Лысенко за мой ответ, конечно, поставит мне двойку.

Я не прохожу мимо учения Мичурина о вегетативном сближении, о роли внешней среды в деле выведения новых сортов растений. Это чрезвычайно существенная глава в учении Мичурина, и слеп тот, кто этого не видит. (Шум.)

Я, к сожалению, не подготовил нужной выдержки... (В зале движение.)

Товарищи, я эти выдержки через 30 минут после моего выступления могу представить президиуму. Из них будет видно, что по Лысенко Мичурин ставил знак равенства между половой и вегетативной гибридизации. Вот, например, статья Поповского в журнале "Новый мир", где он, излагая учение Мичурина, хотя бы один раз употребил слово "скрещивание". Он все время повторяет слово "сращивание", тем самым подчеркивая, что Мичурин занимался только вегетативной гибридизацией.

Голос с места. Так вы Поповскому об этом и скажите.

С. И. Алиханян. Я хочу остановиться на тех резких выступлениях, которые имели место у Мичурина против учения Грелля и других предшественников и современников Мичурина.

Основное положение Грелля, что дело акклиматизации находится в строгой зависимости от подвоя.

Развивая мысль Грелля, некто Гурьев писал так: "Главное условие акклиматизации: дать стойкий подвой плодovому дереву южного сорта" ("Русское садоводство, №24, 1900 г.).

Для того чтобы не было сомнений, что Грелль имел в виду явления вегетативной гибридизации при создании новых сортов, хотя этот метод тогда назывался теорией "привоя-подвоя", необходимо привести следующую цитату: "В конце-концов, характерное влияние подвоя на привой ясно выражается на потомстве, т. е. при получении новой разновидности через посев семечек из плода, взятого с привитого дерева данного сорта" ("Русское садоводство" №209, 1907 г.).

Вот что по этому поводу писал Черобаев:

"Влияние соков подвоя на зародыш семечка вполне подтверждается тем, что плоды дерева, выращенного из семечка плода, взятого с привитого дерева, в большинстве случаев подходят или мало разнятся по своему вкусу от дичков или леснины".

Основные научные положения этой теории печатались во всех русских журналах по вопросам плодоводства и садоводства с 1860 по 1914 г. в работах Грелля и его последователей.

Чтоб изменить наследственность плодового растения, переделать его, т. е. для того, чтобы акклиматизировать плодовые растения и перенести на север южные сорта, нужно привить южные сорта на северные сорта. Привитый сорт путем морозостойкого подвоя становится морозостойким, сохраняя вкусовые качества. Мало того, эти особенности передаются семенному материалу. Такова теория акклиматизации Грелля.

Всем известно, что писал Мичурин об этих измышлениях Грелля и о своих увлечениях работами Грелля. Всем известно, что Мичурин начинает ожесточенную борьбу со школой Грелля, разоблачая ее, как беспредметную и неэффективную. Позже Мичурин писал об этой своей борьбе с Греллем следующее:

"К сожалению, на первых порах, я увлекся тогдашними греллевскими идеями акклиматизации лучших иностранных сортов плодовых деревьев путем подставки выносливых подвоев. Немало пропало труда и времени на выполнение опытов этого ошибочного способа, пока я наконец убедился в полной непригодности его" (Собр. соч., т. I, стр. 90).

Для того чтобы, товарищи, не осталось сомнения в отрицательном отношении Мичурина к методу "подвоя и привоя", приведу его высказывание об одном из учеников Грелля – Черобаеве.

"Вникните, пожалуйста, ведь в ней (Мичурин имеет в виду статью Черобаева), что-то уж очень несообразное. По его мнению, подвой почему-то влияет решительно на все части привитого на него сорта: на рост, на плодоношение, на побеги, на выносливость и, наконец, на формировку семени, – и вдруг неожиданно исключение, что на качество плода этого влияния он не признает. Воля ваша, – с этим трудно согласиться. Тем более, что на деле-то выходит не так" (Собр. соч., т. I, стр. 143).

После этого я спрашиваю вас, Трофим Денисович: как связать ваше утверждение, что "собирая семена с привоя или подвоя и высевая их, можно получать потомство растений, отдельные представители которых будут обладать свойствами не только той породы, из плодов которой взяты семена, но и другой, с которой первая была объединена путем прививки" (Т. Д. Лысенко. Агробиология, 1948 г., стр. 432).

Я хочу просто понять и прошу вас мне разъяснить. Мне кажется, что в этом вашем выражении и в понимании этого вопроса Мичуриным несомненно имеется противоречие.

Голос с места. Вам и здесь нужно поставить двойку.

С. И. Алиханян. Ну, я вам тоже больше двойки не поставлю за ваше плохое поведение. (Смех.)

Что говорит Мичурин?

"...я пытался с помощью прививки перенести юг на север, полагая, что, будучи привитыми на наши холодостойкие дички, южане лучше и быстрее приспособятся к нашему климату, а полученные от их плодов семена дадут такие сеянцы, которые, под влиянием воздействия различных факторов, позволят отобрать новые, более лучшие сорта. Но, увы, – и здесь меня постигла неудача, так как полученные от посева сеянцы вымерзли в первую зиму" (Собр. соч., т. I, стр. 429).

Вот почему я считаю, что вполне правильно говорить о влиянии подвоя на привой в том смысле, в каком Мичурин развивал свои идеи о менторе, о вегетативном сближении. Вот почему я думаю, что неправильно говорить, будто Мичурин повторял греллевские идеи. Выдержка, которую я прочитал из Мичурина, совершенно четко и ясно говорит об этом.

И в самом деле, большинство сортов Ивана Владимировича получено именно половой гибридизацией и отбором, и только в отдельных случаях ментор был применен для выявления тех признаков, которые заранее были в гибриде совмещены Иваном Владимировичем при половой гибридизации.

В заключение я хотел бы сказать следующее. Огульное отбрасывание фактов, накопленных нашей наукой, неправильно не только в интересах развития науки, но и в интересах нашей практики. Я имею в виду сельское хозяйство и медицину. В. В. Сахаров, который долго работал и работает над проблемой гена, теперь очень успешно работает над выведением нового сорта тетраплоидной гречихи. М. С. Навашин уже дал на больших площадях тетраплоидный кок-сагыз. Известный своими цитогенетическими исследованиями Хаджинов успешно разрабатывает проблему использования инцухт-гибридных семян кукурузы. Известны блестящие работы Астаурова по тутовому шелкопряду, отдаленные пшеничные гибриды академика Цицина, Писарева, Хижняка и очень много других работ советских ученых генетиков, успешно работающих в практике народного хозяйства. Я могу назвать целый ряд имен наших крупнейших селекционеров, сортами которых засеяны миллионы гектаров социалистических полей. Я могу назвать Шехурдина, чьими сортами яровой пшеницы засеяно свыше 10 миллионов гектаров социалистических полей, академика Константинова, чьи 15 сортов пшеницы, ячменя, кукурузы, проса занимают свыше 5 миллионов гектаров, покойного академика Лисицына, чьими сортами занято свыше 5 миллионов гектаров колхозных полей, академика Юрьева, профессора Успенского и многих других, чьими сортами заняты миллионы гектаров нашей земли. Все они специально не разрабатывали теоретических вопросов генетики, но вместе с тем успешно использовали данные нашей науки. Я очень сожалею, что здесь не присутствует целый ряд генетиков, которые могли бы рассказать о своих успехах в переработке природы растений и животных. Я могу назвать целый ряд имен и фамилий, чье присутствие здесь помогло бы познакомить участников сессии с их работами.

Я хотел бы в заключение сказать несколько слов о выступлении академика Беленького по моему адресу. Вы заявили, что, вот, мол, Алиханян обещал в 1939 г. вывести новую породу кур и обманул всех, не вывел породы, и не вывел потому, что он опирался на неверную научную основу. Нет, тов. Беленький, прежде чем делать такие заявления, нужно знать факты. Я, после трех лет работы по выведению новой породы кур, в 1941 г. взял оружие и защищал Родину. Спустя пять лет, я, потеряв на фронте ногу, вернулся, но продолжать, к сожалению, работу с курами не мог по состоянию здоровья. Да и при возможности работать я не смог бы этого сделать, ибо весь мой исходный племенной материал (100 голов птицы) был потерян. А то, что я вместо работы с курами воевал на фронтах Отечественной войны, думаю, тов. Беленький согласится, что я неплохо сделал, так поступив. Но если мне дадут возможность, то я в течение 5-7 лет сумел бы повторить всю мою работу с леггорнами.

Зиновий Яковлевич Белецкий! Меня удивило ваше выступление. Вы неверно изложили все дело. Трудно даже поверить, как можно так дезориентировать присутствующих здесь товарищей. К вам в Московском университете отнеслись неплохо. Вашу просьбу о том, чтобы вам, ввиду отсутствия у вас ученой степени, дали возможность работать над диссертацией, и ректорат и партийная организация университета удовлетворили, предоставив вам двухмесячный творческий отпуск. Нельзя, Зиновий Яковлевич, так клеветать на свой университет.

Очистив нашу науку от идеалистической шелухи, от неверных идеалистических концепций буржуазных генетиков и некоторых наших собственных генетиков, мы, советские ученые, должны в здоровой атмосфере творческих споров и содружестве смелее двигать развитие советской науки и использовать все творческие работы в нашей науке на благо нашей Родины.

Мы должны далее с возмущением отметить, что выступления различных дарлингтонов в Англии и саксов в Америке по адресу советской науки не носят на себе и следа научности. Наша прекрасная Родина стоит как могучий оплот мира, как гордость и надежда всего прогрессивного человечества, и мы, советские ученые, один из отрядов всего советского народа, можем спорить между собой, ибо только в творческих спорах наука движется вперед. Но эти споры должны вестись на базе морально-политического единства, на базе единственно передового учения Ленина-Сталина. Вот это нас объединяет, это нам дорого и это служит порукой тому, что советская наука добьется новых больших побед на благо нашей Родины. (Аплодисменты.)

Академик П. П. Лобанов. Объявляется перерыв на 15 минут.

Голос с места. Там записки есть.

С. И. Алиханян. Их очень много, и мне нужно время, чтобы их прочесть.

(Объявляется перерыв.)

Академик П. П. Лобанов. Работа сессии продолжается. Слово для ответа на записки имеет тов. Алиханян. Тов. Алиханян есть? Нет. Тогда слово имеет профессор Поляков.

*** ЗАСЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ (Утреннее заседание 7 августа 1948 г.) ***

Академик П. П. Лобанов. Разрешите продолжить работу сессии. В президиум поступил ряд предложений о прекращении прений. Всего записалось 72 человека, высказалось 56 человек. Кроме того, 11 человек просят вторично выступить. Какие будут предложения.

Голоса с мест. Прекратить прения.

Академик П. П. Лобанов. Разрешите проголосовать предложение о прекращении прений. Голосую. Кто за то, чтобы прения прекратить, прошу поднять руку. Прошу опустить. Кто против? (Нет.)

Принято единогласно. (Прения прекращаются.)

Закрывающее слово предоставляется Президенту Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина академику Т. Д. Лысенко. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.) <...>

Академик П. П. Лобанов. Слово для заявления имеет тов. С. И. Алиханян.

С. И. Алиханян. Товарищи, я попросил слово у председателя не потому, что сегодня прочел в "Правде" заявление Юрия Андреевича Жданова. Я решил сделать заявление еще вчера, и заместитель министра сельского хозяйства П. П. Лобанов может подтвердить, что об этом у меня был с ним разговор еще вчера, 6 августа.

Я очень внимательно следил за этой сессией и много пережил за эти дни. Мне, как молодому советскому ученому, следует из всего того, что происходило здесь, на этой сессии, из всего того, что мною, как ученым, продумано, сделать основной вывод. Речь идет, товарищи, я обращаюсь здесь к своим единомышленникам...

Н. Г. Беленький. Бывшим или настоящим?

С. И. Алиханян. И к бывшим и к настоящим. Речь идет о борьбе двух миров, борьбе двух мировоззрений, и нам нечего цепляться за старые положения, которые преподносились нашими учителями.

Мы сильно поддались полемическим страстям, которые разжигались в этой дискуссии нашими учителями. Из-за этой полемики мы не смогли увидеть новое, растущее направление в генетической науке. Это новое – учение Мичурина. И, как я уже говорил, нам важно понять, что мы должны быть по эту сторону научных баррикад, с нашей партией, с нашей советской наукой.

Было бы наивно думать, что от нас требуется отказ от всего того положительного и полезного, что накоплено всем ходом развития науки. От нас требуется отказ от всего реакционного, неверного, бесполезного. И мы это должны сделать искренно и честно, как подобает настоящим ученым.

Я призываю своих товарищей сделать очень серьезные выводы из моих слов. Я, как коммунист, не могу и не должен противопоставлять упрямо, в пылу полемики, свои личные взгляды и понятия всему поступательному ходу развития мичуринской биологической науки.

Уходя с этой сессии, первое, что я должен сделать, – это пересмотреть не только свое отношение к новой, мичуринской науке, но и всю свою предыдущую научную деятельность. Я призываю то же самое сделать своих товарищей.

Я не мыслю своего существования без активной и полезной деятельности на благо советского общества, советской науки. Я верил нашей партии, нашей идеологии, когда шел в бой со своими солдатами. И сегодня я искренно верю, что, как ученый, я поступаю честно и правдиво и иду с партией, со своей страной, и если, вы, товарищи, того же не сделаете, то окажетесь в хвосте, отстанете от прогрессивного развития науки. Наука не терпит нерешительности и беспринципности.

С завтрашнего дня я не только сам стану всю свою научную деятельность освобождать от старых реакционных вейсманистско-морганистских взглядов, но и всех своих учеников и товарищей стану переделывать, переламаывать.

Нельзя скрывать, что это будет чрезвычайно трудным и мучительным процессом. Может быть, многие этого не поймут; ну что ж, ничего не поделаешь, тогда они не с нами. Они, значит, не сумеют правильно оценить ту помощь, которую оказала нам партия в коренном переломе, который произошел в науке, и не сумеют понять, что дело не в разногласиях по отдельным, не принципиальным вопросам.

Я буду добиваться, чтобы мои товарищи весь свой опыт и знания не расходовали вхолостую и не оставляли их в лабораториях, а выносили бы широко в народное хозяйство. Это сделать нетрудно, если освободиться от груза ненужных, метафизических концепций и пойти честно и до конца в тесном содружестве со всеми учеными нашей страны.

И только в нашей стране, стране самого передового прогрессивного мировоззрения, могут развиваться ростки нового научного направления, и наше место с этим новым, передовым. И я, со своей стороны, категорически заявляю своим товарищам, что впредь буду бороться с теми своими вчерашними единомышленниками, которые этого не поймут и не пойдут за мичуринским направлением. Я буду не только критиковать то порочное, вейсманистско-моргановское, что было в моих работах, но и принимать активное участие в этом поступательном ходе вперед мичуринской науки.

Я уверен, что коллектив биологов Московского государственного университета правильно поймет меня и мы превратим передовой университет нашей страны – Московский государственный университет – в центр пропаганды мичуринского учения, в центр разработки мичуринской биологии. (Аплодисменты.)